

созидательной деятельности на основании внешних или внутренних побудительных мотивов. Впоследствии опыт природоохранной деятельности как результат и источник дальнейшей мотивации встраивается в жизненный опыт старшеклассника в виде надстройки общей культуры личности и устойчивых стереотипов поведения.

Литература и источники

1. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
2. Теплов, Д.Л. Теория и практика экологического воспитания школьников в учреждениях дополнительного образования: монография. – М., 2004.

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВАХ РИСКА

Шевченко Н. Н. (Санкт-Петербург, Россия)

Процессы изменения социальных и культурных практик, разрушающих базовые принципы модерна, получившие название «модернизация», можно рассматривать в качестве однотипного тренда цивилизационного трансформационного процесса, социально-философская аналитика которого традиционно осуществляется в рамках концепции модернизации, имеющей теоретический статус метатеории. Продолжающаяся дискуссия о «модерне» актуализирует потребность осмысления её основных положений, выявления направлений их рецепции в современной социальной теории, прежде всего, – в использовании общефилософских, социально-философских, научно-теоретических и методологических оснований в исследованиях трансформирующихся обществ XXI века.

Реконструкция процесса генезиса концепции модерна и модернизации в рамках философской и социологической аналитики (в работах Т. Гоббса, Д. Юма, Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса и других исследователей) и тенденций дальнейшего развития в работах М. Фуко, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ст. Тулмина, П. Слотердайка, Ю. Хабермаса, П. Козловски, А. Турена и других авторов позволяет рассматривать её как общий дискурс о модерне, как социальную теорию и гранд-нарратив, осмысливающий общемодернизационные закономерности, описывающий переход от традиционного к индустриальному обществу как переход от простого общества к более сложному, с обязательным прохождением одинаковых стадий для всех обществ.

Формирование локальных дискурсов, детерминированных гранд-нарративами, являющихся для них образцом, было обусловлено стремлением объяснить, каким образом запоздавшие в своем развитии страны могут достичь индустриально-капиталистической стадии и решить внутренние проблемы, не нарушая очередности этапов. Наиболее значимыми из них признаются теории конвергенции (К. Керр, С. Хантингтон, У. Ростон),

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

сменившиеся теориями постиндустриального общества, разработанными в 1970-е годы, а теория глобализации, вошедшая в научный оборот в 1990-е годы, может быть рассмотрена как преемница этих более ранних теорий. Их содержанием является, как правило, обоснование необходимости «догоняющей» или «вторичной» модернизации, предполагающей копирование институциональной структуры и либеральной культуры западноевропейского общества, заимствование или вытеснение локальных, местных типов культуры и социальной организации «универсальными» (западными) формами социальности и культуры, что позволило П. Штомпке охарактеризовать такой подход как «зablуждение этноцентризма», а Ч. Тейлору характеризовать эти теории как «акультурные» за стремление рассматривать технологические, демографические, социальные и другие структурные трансформации общества в отрыве от культурного измерения исторического развития и человеческих мотиваций.

Новая форма дискурса о модернизации, рассматриваемой как трансформация, предполагающая сохранение национальной культуры без жёсткого навязывания обществу западных ценностей, складывается во второй половине 80-х – начале 90-х годов (А. Абдель-Малек, А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.). В нем обосновывается утверждение о том, что линейная логика развития общества не соответствует социальной реальности, поскольку современные общества достигли критической точки в своем развитии, «когда стремление к реформам уравнивается препонами на пути реформ», требующей «трансформации базовой структуры современного общества» [1, с. 94]. Для описания изменившегося таким образом общества, получившего название «общества риска» (У. Бек [2]) используются категории, характеризующие не «первую модерность», такие как «социальный порядок» или «социальная солидарность», а противоположные им – «радикальная необозримость» (Ю. Хабермас) и «радикальная ненадежность» (У. Бек), указывающие на то, что последствия социальных решений вследствие побочных факторов перестают быть прозрачными.

Понятие «рефлексивность» для такого общества становится нормативным, требующим изучения реакций общества «на самоочевидные побочные последствия в режиме реального времени», поэтому Э. Гидденс настаивает на полномочиях экспертов, а У. Бек подчеркивает необходимость создания экспертной системы, «которая будет нас информировать и предупреждать об опасных побочных последствиях ускоренной социальной эволюции в эпоху глобализации» [2, с. 93]. В обществе риска дедуктивное знание должно быть дополнено «практической мудростью», которую И. Пригожин и И. Стенгерс называют «искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» [3, с. 221], а У. Бек дал ей другое название, определив «практическую мудрость» как «рефлексивную модернизацию». Рефлексивная модернизация, в его представлении, есть «эпоха побочных последствий», не исключающих возможности обратного действия, наряду с линейной прогрессией, это «самотрансформация индустриального общества (которую не следует отождествлять с

саморефлексией этой самотрансформации), а также вытеснение и разрушение первой модерности второй модерностью, контуры и принципы которой еще только должны заявить себя перед нами и оформиться» [4, с. 89]. Анализируя катастрофические нелинейные и ненаправленные побочные эффекты, оказывающие обратное влияние на общество, У. Бек утверждает, что «двигателем общественных изменений теперь является уже не целевая рациональность, а побочные следствия: риски, опасности, индивидуализация, глобализация. А также и все необозримое и неотрефлексированное совокупно разрешается структурным сломом, который и отделяет индустриальную модерность от последующей модерности» [4, с. 40]. Риск, по мнению У. Бека, становится детерминирующим фактором жизнедеятельности человека в условиях перехода от «простой модерности» (индустриального общества) ко «второй», т.е. «обществу риска».

Риски, обусловленные «радикальной необозримостью» (Ю. Хабермас) и «радикальной ненадежностью» (У. Бек) общественного развития, фундируют потребность перехода к «креативной модернизации», предполагающей наличие экспертной системы, информирующей и предупреждающей об опасных побочных последствиях, которая, по мнению Э. Гидденса, невозможна без «институционализированной рефлексии», транслирующей в политический контекст осмысленные проблематизации и создающей всеобщее рефлексивное поле общественной жизни.

Рискогенность объективной реальности, как отличительная черта современности, актуализирует потребность в прогностической деятельности, росте автономного мышления и индивидуалистического творчества, требует совмещения разрабатываемых теорий общества с антропологическим проектом. Осмысление взаимосоотнесенности общества и личности в теориях «второй модерности» выражается в факте признания детерминированности общественного развития не технологическими факторами, а развитием человеческого потенциала, формированием творческой личности как основы формирующегося «класса интеллектуалов» или «креативного класса» [5].

Теория креативного класса рассматривает творчество индивидов в качестве основы экономического роста и формирования «креативного общества», в котором проектная логика будет способна минимизировать влияние рискогенных воздействий и связанных с ними ошибочных решений. Ведущая роль в формировании креативного класса принадлежит образованию, проблема рискогенности которого в России обсуждается в различных аспектах, в том числе, с точки зрения востребованности выпускников на рынке трудовых ресурсов в связи с актуализацией проблемы рассогласования рыночных ориентаций образования с государственными и региональными приоритетами развития. Общеизвестен факт массовой безработицы среди выпускников, получивших специальности экономиста, бухгалтера, юриста, в то же время набор абитуриентов по этим профилям не сокращается.

Генерирование системой образования такого рода социальных рисков обусловлено формированием образовательных университетских корпораций, подменяющих социальные задачи частными интересами образовательной монополии. Задачей образования, как кажется, является не удовлетворение стихийного спроса на определенные специальности в отрыве от объективных потребностей развития общества и отдельных регионов, а кадровое обеспечение экономики креативными специалистами, обладающими независимым мышлением, высоким уровнем образования, навыками адаптации к быстро меняющимся экономическим и социальным условиям, знанием социальной теории, пониманием сути происходящих социально-экономических и политических процессов и творческим этосом, для которого важны креативность, индивидуальность и личные заслуги.

Литература и источники

1. Леманн, Г. Искусство рефлексивной модерности // Логос. – 2010. – №4 (77).
2. Beck, U. Risikogesellschaft – Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt a.M., 1986
3. Пригожин, И. Время, хаос, квант/ И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2001.
4. Beck, U. Das Zeitalter der Nebenfolgen und die Politisierung der Moderne // U. Beck, A. Giddens. Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. – Frankfurt a.M., 1996.
5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М., 2007.

ГМО КАК МАРКЕР СУВЕРЕННОСТИ РОССИИ?

Широкалова Г. С. (Нижний Новгород, Россия)

В общественном мнении вопрос о ГМО часто сводится к проблемам здоровья и демографии. Фактически речь идет о стратегии развития (угасания?) отраслей отечественного АПК. ГМ-технологии предполагают зависимость от поставки импортных гм-семян, наличие соответствующей техники для обработки полей, и сбора урожая, наличия иных средств защиты растений. Создаются новые типы «отходов» сельхозпроизводства: почвы, требующие рекультивации после выращивания сельскохозяйственной ГМ-продукции, переработки останков генно-модифицированных животных.

На информационном поле России уже в течение многих лет идет спор о «плюсах и минусах» ГМ-технологий. Законодатели и правительство России несколько раз меняли свою позицию, но благодаря: а) санкциям и объективной потребности в импортозамещении продовольствия, б) запоздалому пониманию, что нефть и газ не бесконечны, и, следовательно, нужны новые бренды, политические весы качнулись в сторону ограничения использования ГМО на территории РФ. Однако позиционирование себя как страны органического сельского хозяйства продолжалось недолго.

Итак, после вступления России во Всемирную торговую организацию вопрос о ГМО на территории РФ встал с особой остротой. В рамках двустороннего соглашения между Россией и США о вступлении России в

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm